

Александр Балашов

Три прекрасные
далёко

Александр Балашов

Прекрасное далёко

«ИП Стрельбицкий»

Балашов А.

Прекрасное далёко / А. Балашов — «ИП Стрельбицкий»,

«Когда я был итальянцем» - первый рассказ сборника избранных рассказов А. Д. Балашова. Ироничный рассказ о том, как студенты политехнического института принимают участие в съёмках советско-итальянского фильма «Подсолнухи». Они играют там отступающих итальянских солдат, принимая участие в массовке.

Никто из студентов не знает и не помнит войны, поэтому ирония, с которой они относятся и к себе, и к итальянцам, вполне уместна и правомерна. Но вот уже во время съёмок, когда им приходится брести в глубоком снегу, отставать от своих товарищей и изображать умирающих, они постепенно начинают понимать трагедию любой войны. В рассказе есть трогательная сюжетная линия первой любви молодого человека, которая не может не тронуть и взволновать читателя.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	5
КОГДА Я БЫЛ ИТАЛЬЯНЦЕМ...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Балашов

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЁКО

рассказы

ОБ АВТОРЕ

«Александр Дмитриевич Балашов – один из лучших писателей и журналистов за всю историю литературы Курского края. Родился 21 апреля 1948 года, в воинском эшелоне, в г. Смоленске, в семье военнослужащего. Детство провёл у родных бабушек в Михайловском (ныне Железногорском) районе Курской области. Его родовые корни – в Железногорье, в селе Андросово. Это малая родина писателя.

В книге Юрия Бугрова «Литературные хроники Курского края» (Издательский дом «Славянка», Курск, 2011) А. Д. Балашову посвящена объёмная статья:

«Окончил филфак и одновременно факультет журналистики Тверского университета, после чего работал в областном телерадиокомитете и в областной молодёжной газете «Смена» в городе Калинин (ныне город Тверь). С 1974 года вернулся на родину, живёт в Курской области: сначала в Железногорске, затем в Курчатове. Печатался в журналах «Волга», «Подъём», «Журналист», «Четвёртая власть», «Ковчег», еженедельнике «Литературная Россия», центральной газете «Сельская жизнь» и др. Автор 14 художественных и публицистических книг, сборника драматургических произведений, учебника по журналистскому мастерству для факультетов журналистики филиалов РГСУ. Лауреат премии журнала «Подъём» (г. Воронеж) в номинации «Лучшая публикация года», дипломант Всесоюзного конкурса «Лучшая журналистская работа года» (1986), лауреат Премии Союза журналистов СССР (1987), лауреат областного литературного конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, лауреат Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше Культурное наследие» (Тверь, Москва – 2011) в номинации «Лучшие люди родного края», неоднократный лауреат областных журналистских конкурсов им. писателя В. Овечкина, им. писателя К. Воробьёва. Член Союза писателей России с 1991 г., Союза журналистов – с 1974 г.

С 1988 года А. Д. Балашов живёт и работает в городе курских атомщиков – Курчатове».

(Из книги «История селений Железногорья»; авторы Г. Н. Александров, С. А. Сургучев; Железногорск, 2014; том 1, стр.81).

КОГДА Я БЫЛ ИТАЛЬЯНЦЕМ...

Весть о том, что итальянцы уже в городе, облетела институт с быстротой стихийного бедствия. Прямо на лекции у ехидного и острого на язык профессора Семёнова по рядам плыла местная газета, в которой было напечатано интервью с классиком (тогда ещё живым) итальянского неореализма в кино, великим Витторио Де Сика. Интервью завершало блеклое чёрно-белое фото (цветных газет тогда и в помине не было), где Де Сика, кумир всех женщин мира Марчелло Мاستрояни и несостоявшаяся балерина, но состоявшаяся актриса Людмила Савельева бледнели лицами с чёрными точками вместо глаз.

Я, студент второго курса политехнического института, встретил эту новость спокойно, совершенно не подозревая, какую роль сыграют итальянцы в моей жизни.

В перерыве между парами мы вышли покурить в коридор.

– Слыхал? – сказал Виталик, стреляя по обыкновению сигарету. – Фильм у нас будут снимать. «Подсолнухи» называется.

– А разве подсолнухи зимой растут? – глядя в разукрашенное морозным узором окно, спросил я.

Виталик не ответил – затрещал звонок, надсадно дёргая за нервы. Последняя пара занятий по расписанию. Предстояла малоприятная для меня встреча с начальником военной кафедры полковником Мясоедовым.

– Товарищ начальник военной кафедры! Группа факультета промышленного и гражданского строительства для прохождения занятий по военной подготовке построена! – отчеканил дежурный Володька Батищев.

– Здравствуйте, товарищи курсанты! – лихо, по-суворовски, выкрикнул Мясоедов.

– Здравствуй, товловник! – гаркнули мы.

Полковник, грузно развернув к нам своё тело в мундире с орденскими планками, начал свой традиционный обход. Тяжким шагом командора из пушкинской пьесы он приближался ко мне.

– Курсант Ветров! – тихо сказал он, что не предвещало ничего хорошего.

– Я! – придав лихости своему голосу, выкрикнул я.

– Два шага из строя!

Стоящие рядом Виталька и Славик, не сговариваясь, прижали меня своими плечами, так что я, напрягшись, под хохот товарищей вывалился из плотного строя.

Мясоедов сморщился и без слов, шевеля одними губами, матерно выругался.

– Ветров, – вслух сказал он. – Вы в данный момент не студент, не мешок с говном, а – курсант! Понимаете разницу?

– Так точно, товарищ полковник, – по уставу повторил я. – Я не мешок с говном.

– Так вот, не мешок, а курсант Ветров, вы составили рапорт о причине вашего отсутствия на предыдущих занятиях по военной подготовке?

– Устный, товарищ полковник!

– Ну? – вздёрнул мохнатую и совершенно седую бровь Мясоедов. – Давай хотя бы устный.

– Отсутствовал на занятиях из-за хронической болезни, которой меня наградили родители, – механически отчеканил я. Виталик, стоявший справа от меня, неприлично гоготнул.

– Да ну! – с интересом спросил Мясоедов. – Какая же это болезнь?

– Хронический тонзиллит, товарищ полковник! – хрипло ответил я. – Ангина проклятая зимой мучает.

Бровь Мясоедова заняла своё привычное положение.

– Справку! – коротко бросил он и протянул за ней руку.

– Разрешите доложить, – начал было я, но полковник прервал меня. – Курсант Ветров, – усталым голосом начал он так надоевшую нам песню, – вы не только будущий инженер, но и командир советской армии. И то важно, и это не менее. Где справка о болезни, которой тебя, как ты докладываешь, наградили твои родители. Лучше бы они тебя наградили усердием, умом и сообразительностью...

– К врачу, товарищ полковник, не обращался. Лечился, так сказать, народными средствами.

– Это как? – опять полковничья бровь поплыла ко лбу.

– Малиновым вареньем. И мёдом.

– А я полагаю, чем-то покрепче лечился, – крикнул Мясоедов. – Вырезать гланды надо. Мне вот их в госпитале вырезали к чёртовой матери – и, как видишь, ничего. Живу без гландов этих. Это не больно. Для настоящего мужчины, конечно. Встань в строй!

Я повернулся через левое плечо, всё ещё не веря в столь лёгкое и счастливое избавление от наказания за три прогула. Мясоедов явно был в духе.

– Раньше перцовкой хорошо ангину лечили, – вздохнул он и открыл журнал. – Садитесь, братцы.

Занятия начались.

* * *

После «войны» вся группа факультета ПГС врзалась в хвост длинной очереди в гудящей, как потревоженный пчелиный улей, студенческой столовой. «Комплексный обед» тогда считался верхом неназойливого общепитовского сервиса.

– Этот обед за полтинник гарантирует все комплексы – от гениальности до неполноценности, – сказал Виталик, разглядывая коротенькое меню. – Винегрет, суп гороховый, котлеты, компот. Лишний вес вам, господа, не грозит.

– А мне бы он не помешал, наверное, – самокритично сказал я. – Я, старички, готовясь к экзамену, стихи сочинил.

– Муза никак из сто пятой комнаты посетила? – съязвил Батищев.

– Муза посетила, – уклончиво ответил я. – Но не из сто пятой.

– Ладно, не томи голодную душу, – ответил Виталий. – Попросим автора, друзья! Таланту нужны поклонники.

Я откашлялся и прочёл:

– Бывали дни весёлые,
По десять дней не ел,
Не то чтоб денег не было,
А просто не хотел.

– Да-а, – протянул Виталик. – Не знаю, как там в литературном плане, но актуально же, господа! Ак-ту-аль-но!

И фамильярно похлопав меня по плечу, гаркнул так выразительно, что на меня обернулась вся очередь:

– Ай да Сашка, ай да сукин сын!

После обеда я отправляюсь на вахту, где у телефона сидит бессменная тётя Маша и вяжет свой бесконечный шерстяной носок.

– Здравствуйте, тётя Маша! – улыбаясь, говорю я.

– Здравствуй, баламут, – глядя из-под очков, отвечает бдительная «тётя Маша», вахтёрша нашего студенческого общежития. Она всех нас звала «баламутами», и нам казалось,

что все мы для неё на одно лицо. Но так нам только казалось. «Лиц, не проживающих в общежитии» верный страж казённого дома сурово и решительно задерживала в вестибюле с сакраментальным вопросом: «Куда-а?».

– Тётя Маша, – говорю я, глядя на мелькающие в моих глазах стальные спицы, – наверное, ваши внуки не в рубашках, а в ваших носках рождаются. Можно позвонить?

– Звони, баламут!

Я поднимаю трубку и, волнуясь, словно на экзамене у Семёнова, набираю её домашний номер.

– Это столовая? – спрашиваю я не своим голосом. Это моя уловка. Если брала трубку её строгая мама и говорила: «Это не столовая! Это – квартира! Боже, какой идиот всё время путает номер!» – я извинялся и вешал трубку. Если к аппарату подходила она, то на другом конце провода поддерживали мою игру и в ответ слышалось:

– Вы угадали. Слушаю вас внимательно.

– Значит, это столовая, – повторял я фразу с грузинским акцентом, которому научился у моего сокурсника Додо Пуринашвили. – Куда сгружать мараканские апельсины?

...На этот раз в трубке – долгое молчание.

– Это столовая? – повторяю я, подстраиваясь под интонации Пуринашвили. – Куда грузить апельсины бочками? Продукт скоропортящийся. Не примете, на базаре с руками оторвут, сами понимаете...

Я хорошо парадирую рыжего Пуринашвили. Вот уж раньше бы никогда не подумал, что грузины бывают рыжими. Но Додо мне объяснил, что в Кахетии, где живут его дорогие, папа, мама, три брата и сестра, каждый третий грузин – рыжий. Выходит, Додо был тем третьим из условного статистического ряда.

– Я не шучу с вами! – Куда, спрашиваю вас, грузить апельсины бочками?

Наверное, думаю я, она не ожидала от меня таких актёрских способностей. Она молчит. От восторга, наверное, и должно быть зажимает ладошкой свои пухлые алые губки, чтобы не расхохотаться...

Потом голос из трубки спрашивает:

– Скажите, а в какую столовую завезли апельсины?

Всё. Я узнаю голос её строгой мамы и тут же кладу трубку. Ничего, позвоню её попозже. Надеюсь, что за это время апельсины ещё не разберут.

Она – это Лена. Познакомился я с ней в начале семестра, когда мы вернулись из колхоза, где, как выражался Виталик, «местные жители помогали нам убирать картошку». Колхозников в том хозяйстве было мало, особенно трезвых. И если бы не наша студенческая орава во главе с профессором Семёновым, картофель бы сгнил на полях необраным.

Целый месяц мы, мужчины группы ПГС, посмотрев фильм «Три плюс два», не брились. Не то чтобы лень на нас в колхозе напала. Просто дали коллективный зарок. Да и любопытно просто было, какие мы – мужики с бородами?

И странное дело, стоило мне отпустить бороду, как все вокруг стали замечать мою более чем скромную личность. Помню, как один малыш, гуляя с мамой за ручку, постоянно на меня оборачивался и, наконец, спросил мать: «А почему мальчик – и с бородой?».

А мама, такая современная мама, в фирменных джинсах, за которые она спекулянтам отвалила почти всю свою зарплату, демонстрируя врождённое чувство юмора, сказала сыну: «Это Дед Мороз в юности, Алёша».

В общем, как бы там ни было, но с бородой я чувствовал себя увереннее.

Впервые я увидел её на институтском вечере. Хорошо помню, как она вошла. Нет, не вошла – всплыла... Улыбнулась. Поправила причёску одним движением гибкой руки. Не знаю почему, но я смотрел только на неё. Виталька говорил, что любовь – это тот же химический процесс. Нужные реагенты смешиваются – и получается нужная реакция. Эта «химия»

тогда случилась именно со мной. Вроде бы ничего особенного в ней не было, девчонка как девчонка. Но моя «химия» не поддавалась логическому объяснению происходящего процесса. Я всё смотрел, смотрел только на неё и боялся, что она перехватит мой взгляд. Её приглашали на один танец, на другой. Я же не решался к ней даже приблизиться. Вот сейчас, сейчас, думал я, будет следующий танец, когда наш институтский ВИА «Летучий голландец» запоёт «Для меня нет тебя прекрасней...», я подойду и приглашу. Но танец сменялся танцем. Наконец наши «летучие голландцы» притомились и, взяв под мышки свои гитары и солисток в мини-юбках, под всеобщее неудовольствие удалились с эстрады.

Ночью я долго вертелся на своей кровати, и в унисон моему настроению скрипели и охали ржавые пружины.

– Кончай скрипеть, старик! – не выдержал мой однокашник, сосед по койке комнаты № 102 студенческого общежития Виталик Хрусталёв.

– Влюбился... – простонал я.

Видно, мой стон заинтересовал Хрусталёва. Он привстал на койке, заскрипев своими пружинами, и, накиннув хлипкое одеяло на плечи, став похожим на римского патриция, воскликнул:

– Да ну!

Я безысходно вздохнул в ответ.

– В кого же?

– В ту, с тёмно-синими глазами... Ты с ней два раза танцевал.

– В Леночку? – удивился Виталька, и пружины его кровати зарыдали, аккомпанируя ржавыми нотами его словам.

Я тоже привстал на кровати, накиннув на свои мощи, словно саван, белую простыню.

– В неё, кажется... В Леночку. А вы, я вижу, уже познакомились?

– Да-а, старик, – не отвечая на мой вопрос, протянул Хрусталёв. – Плохи, брат, твои дела. Можно сказать, дрянь твои дела.

– Это почему же? – обиделся я.

– Да ты знаешь, Саша милый, в кого ты влюбился? – театрально воздев руки к потолку и роняя одеяло на пол, возопил Виталик.

– В кого? – тревожно спросил я.

– «В кого, в кого», – передразнил Хрусталёв. – В девушку из касты неприкасаемых.

– Чего-о? Ты что, индийских фильмов посмотрелся?

– Да ты знаешь, кто у неё папа? – вопросом на мой вопрос ответил Виталик.

– С мамой я знаком... По телефону. А папа-то – кто?

– Да уж не дед Пихто, а генерал-майор! Понял? Передаю по буквам: ге-не-рал! Усёк?

В ответ теперь я заскрипел пружинами. Да так пронзительно, что в стенку застучали соседи.

– Он её «Волгу» подарил на поступление в вуз! Понял? – притушив голос, сказал Хрусталёв и для того, чтобы окончательно добить меня, добавил: – Белую!..

– Чего орёшь – люди спят! – крикнул я. – Не глухой я.

Сверху застучали по батарее.

Студенты, как и в те «давно прошедшие времена» (в немецком языке они называются короче, одним словом – «плюсквамперфект», то есть те времена, которые плюсятся к временам настоящим и будущим), писали социологи в своих нудных работах, были народцем общительным и открытым. Тайн за пазухой не держали. На другой день моя печальная любовь к генеральской дочке стала общим достоянием не только нашей группы, но и всего курса. Девочки перешёпывались, хихикали и жалели меня. Ребята удивлялись моим наполеоновским замашкам. Но слухи и даже сплетни по этому поводу совершенно не охладили

моих чистых помыслов, что как нельзя лучше подтверждало мою первую безоглядную влюблённость.

В перерыве между второй и третьей парами ко мне подошла незнакомая девушка с первого курса и протянула изящный конверт, который в киосках «Союзпечати» нельзя было купить ни за какие деньги.

– Это для вас, таинственно сказала она, подавая мне розовый конвертик.

Я пожал плечами, отошёл в уголок коридора и вскрыл послание. Моё обоняние пощекотал нежный аромат женских духов. На листке ровным, чрезвычайно каллиграфическим почерком было начертано:

«Милый Саша! Я больше не в силах таить свою любовь к Вам. С первых же дней в институте я только и живу ожиданием встречи с Вами. Увижу Вас в библиотеке, в читальном зале – и эта мимолётная встреча для меня как награда. Нам необходимо объясниться. Равно в три часа пополудни я буду ждать Вас у гостиницы «Селигер» в своей белой «Волге». Номер машины – 77–14. Очень Вас жду. Лена».

Заметив, что из аудитории выглядывало любопытное Виталькино лицо, я быстренько свернул письмо, ещё до конца не осмыслив его содержания, и сунул его в карман брюк.

– Сашка! – прошипел Хрусталёв. – Ты что, лопух, уснул, что ли? Семёнов уже на кафедру залезает!

Как я только высидел длиннющую, как мне показалось, лекцию Семёнова?! Я не смел перечитать письмо, лишь сжимал его в кулаке, который держал в кармане. Я с первого раза выучил его наизусть.

– Вы почему, Ветров, ничего не записываете? – заметил моё внутреннее отсутствие профессор Семёнов.

Я взял в руку ручку. От неё исходил тонкий аромат её удивительных духов. Он пьянил и кружил мне голову.

После лекции Семёнова ребята рванули в столовку.

– На меня не занимайте, – сказал я. – Что-то нет аппетита...

– Ты, случаем, не заболел, Сашенька? – спросил Виталик, трогая ладонью мой лоб. – Тебе кушать нужно регулярно. Не то нормы ГТО не сдашь.

– Ему не ГТО, ему уже ГСО сдавать нужно, – сказал Додо.

Я хотел было спросить, что это за нормы ГСО такие, но, взглянув на часы, только махнул рукой:

– Хватит вам зубоскалить! Некогда мне сегодня...

Накинув куртку, я бегу к «Селигеру». Смотрю на часы – ещё без пяти минут три. Ещё издали замечаю белую «Волгу». Это – она! И номер машины совпадает! Сердце как поршень в одноцилиндровом двигателе, который запустили на полную мощность: чух-чух-чух! Торможу так, что свистят по асфальту подошвы моих туфель. За рулём – никого. Оглядываю окрестности. Может вон там, на лавочке ждёт меня автор любовного послания? Там – и правда! – кто-то сидит ко мне спиной. Набираю в лёгкие воздуха и...

И тут из-за угла появляется вся наша группа ПГС. В полном своём составе.

– К сожалению, – почтительно склонив голову, как это делают на гражданской панихиде ораторы, говорит Виталик. – Лена просила передать, что, к великому сожалению, сегодня встретиться не сможет: к ней портниха пришла, примеряют свадебное платье...

Больше никто не выдерживает. Прохожие останавливаются и недоумевают: двенадцать человек просто умирают от смеха. Из ресторана даже выбежал «селигерский» шеф-повар: проверил, не поцарапали ли хулиганы его «белую ласточку».

– Ой, девоньки! – визжит Нинка Журавлёва. – Щас описаюсь от смеха!.. Свадебное платье примеряют...

Я не вслушиваюсь в её истерические вопли. Я вспоминаю её чрезвычайно каллиграфический почерк, которым она заполняет колонки нашей стенгазеты.

– Не дрейфь, Сандро! – гудит басом Пуринашвили. – Какой солдат не мечтает стать зятем генерала?

Потом смех стихает. Всем становится меня жалко. Участники розыгрыша как могут успокаивают меня. Кто-то предлагает вскладчину сходить в кафе. Все дружно поддерживают идею.

Там же, в кафе, я выпив три коктейля, всенародно клянусь завладеть любовью надменной, но прекрасной генеральской дочери.

– Ты говорил, что мне какой-то комплекс ГСО нужно сдавать? – спрашиваю я Додо с глупой полупьяной улыбкой.

– Конечно, нужно, дорогой, – отвечает Пуринашвили. – ГСО – это, дорогой, значит Готовься Стать Отцом. Понял?

Я смотрю в его плутоватые зелёные глаза и качаю головой:

– Нет, Додо... Она не Муза из сто пятой. Она не такая...

Клятву я, как ни странно, сдержал. Потому что через три дня, когда эта история стала достоянием общественности всего факультета, ко мне подошла она, оценивающе посмотрела на мою неатлетическую фигуру и неожиданно сказала:

Так вот ты какой, молодой Ветров... Как молодой Вертер. А в письме твои товарищи всё наврали. Нет у меня никакой «Волги». И отец никакой не генерал.

Она улыбнулась и протянула руку:

– Давай знакомиться. Я – Лена.

– Вертер, – вдруг вырвалось у меня. – Простите, Ветров. Саша.

* * *

– Тётя Маша!

– Что, баламут?

– Можно позвонить?

– В столовую? – хитро спрашивает тётя Маша и кивает головой.

– Это столовая? – спрашиваю я.

– Вы угадали, – отвечает мне Лена.

– Пойдём к «Селигеру». Возьмём у Де Сики автограф. Итальянцы там остановились.

Трубка молчит. В ней только что-то шелестит и потрескивает.

– Кто нас пустит? – наконец слышится с другого конца провода.

– Я метрдотеля ресторана знаю. Сядем тихонечко, кофе закажем. А тут входит Марчелло с Де Сикой. Мы им, гутен таг, сеньоры! И сорвём автограф.

Молчит трубка.

– Это столовая? – уже без грузинского акцента повторяю я.

– Знаешь что, Саш, – говорит Лена. – Ты домой мне больше не звони. Зачем ты маму разыграл? Она с десятков столовых обежала – апельсины марокканские искала. Твои шутки?

Теперь молчу я.

– Алло, – не выдерживает Лена. – Где ты?

– Звонить домой нельзя, – печально говорю я. – А видеть-то тебя можно?

– А мы и так почти каждый день в институте видимся, – говорит она. – В читалке, например.

– В читалке не в счёт, – отвечаю я. – Ты там не со мной, а с умными авторами общаешься...

– Всё, мама вернулась, – слышу я в трубке, а затем – гудки. Короткие и такие тревожные для меня. Я сжимаю в руке трубку, а она всё гудит, гудит... Наверное, думаю я, вот так принимают радисты самый тревожный на море сигнал – «SOS».

...Вечером поднялась метель. Ветер бросал снежные хлопья в окно сто второй комнаты. Казалось, что зима подвывала за окном моему настроению. Я ничего не рассказывал своему другу Хрусталёву, но он и так всё понял без слов.

– Бабам что надо? – рассуждал Виталик, перелистывая иллюстрированный журнал, с которого фарфоровыми зубами улыбались писанные красавицы. – Бабам, Сашка, эффект нужен. То, что на нашем языке «шик-блеск-тру-ля-ля» называется. Додо, дежуривший вчера у «Селигера», рассказывал, как Мастрояни выходит из автобуса.

– Как он выходит, – бурчу я под нос. – Обыкновенно, ногами.

– То-то и оно, что с блеском выходит. Дублёрка – итальянская, зимние сапоги – финские, с сигарой в руке и выбрит до синевы...

– А наши? Фильм-то совместный – советско-итальянский, кажется.

– А наши – в пальтишках фабрики «Большевичка», в валенках, небритые и после съёмок пьяные до синевы.

– Врёшь, – бросаю я реплику Хрусталёву. – В валенках сейчас никто не ходит.

– Да? Они на Волге снимают батальную сцену. А там, знаешь, как метёт!.. Ветрище с морозом – как в год разгрома итальянских дивизий. И итальянцам тоже валенки выдали. Не то поморозятся, бедные. Но Марчелло себе верен – в модных шузах форсит после съёмок. Блеск, а не мужчина. Слава, она, Сашка, жертв требует. Но слава всем нравится, и бабам тоже.

– Заткнись, циник! – парирую я со своей койки его выпад. Я пикируюсь с ним беззлобно. Знаю: это он для поддержания моего духа так говорит. Чтобы отвлечь от тяжких мыслей.

– Давай, старичок, лучше спать, – зевает Виталик. – Утро вечера мудренее.

Мудрёное было это утро. Только началась первая пара, как в аудиторию заглянул наш декан, доцент Филимонов, за ним вошёл какой-то тип в крашеном свитере из ангорской шерсти.

– Прошу прощения, Николай Саввич, – извинился он перед Семёновым. – Разрешите оторвать вас на одну минуточку от темы занятий.

Семёнов ничего не ответил. Только сделал неопределённый жест, из которого было ясно: ну, конечно, начальству всё дозволено!

– Опять кровь, наверное, кому-то срочно понадобилась, – высказал предположение Хрусталёв.

На этот раз он ошибся.

– Как вас представить? – спросил декан человека в свитере.

– Я сам представляюсь, – деликатно улыбнулся он и повернулся к нам лицом.

– Товарищи студенты, – сказал гость. – Я помощник режиссёра, работаю на «Мосфильме». Все вы знаете, что в окрестностях вашего города вместе с итальянскими коллегами мы снимаем эпизоды фильма с условным названием «Подсолнухи». Так вот, я к вам за помощью. Нужны статисты для массовых сцен.

Поток замер. Девушки полезли в сумочки за импортной косметикой, пудреницами и помадой.

– Женщин прошу не беспокоится, – поднял руку человек с «Мосфильма». – Нам нужны десять-двенадцать человек, молодых мужчин. Худых, небритых... Короче, похожих на итальянцев.

– А как же с учёбой? – спросил Хрусталёв с места.

– Тут можете не волноваться. В деканате нам пошли навстречу. Ваш декан отпускает артистов на неделю. То есть те, кого я отберу, на целую неделю освобождаются от занятий. Искусство, так сказать, требует жертв...

Кто-то в нашей аудитории хлипко зааплодировал.

– Более того, – подняв руку, будто успокаивал обрадованную аудиторию, продолжил помреж. – Кто подойдёт под итальянский стандарт, те буду платить за съёмочный день от трёх до семи рублей. В зависимости от крепости мороза.

Я рассеяно слушал помрежа, машинально рисуя на полях конспекта женскую головку, отдалённо напоминавшую профиль Лены.

– Вопрос можно? – поднял руку Виталик.

– Пожалуйста.

– А что такое – «итальянский стандарт»?

– Мы будем снимать взвод итальянских солдат, – ответил человек из «Мосфильма». – Командира взвода играет Марчелло Матростяни. Ну, а сам взвод, вы меня понимаете, везти сюда, на Волгу, из Италии было бы накладно. Да и морозы нынче у нас не для южных людей. Поэтому, повторяю для невнимательных слушателей, нам нужен итальянский типаж – художавые брюнеты. Ну, как вы, молодой человек. Или лучше вот ваш сосед, – тут он тыкнул пальцем в меня. – Этот небритый парень вполне подойдёт для солдата разбитого на голову взвода итальянских солдат.

Я вздрогнул, когда помреж тыкнул в меня пальцем. Он будто прицеливался в меня из воображаемого пистолета.

– Спасибо, амиго, – сказал Виталик и, садясь рядом со мной, тыкнул меня в бок пальцем. – Ты, оказывается, типаж, Сашка!

– Дорогой! – елеиным голосом сказал Пуринашвили. – А рыжие итальянцы бывают? Представитель киностудии внимательно посмотрел на Додо и серьёзно ответил:

– Нет, рыжих не берём!

* * *

Я и Виталик оказались не рыжими. Нас, к завести блондинов и рыжих, взяли. Филимонов, жертвуя нами во имя «важнейшего из искусств», дал короткое напутствие:

– Смотрите там, на съёмках. Не опозорьте честь факультета. Мы вам доверяем. А лекции потом перепишите у товарищей.

Мы, новоиспечённые итальянцы, как примерные сыновья, кивали нашему духовному наставнику.

– Я ведь знавал итальянцев, – неожиданно сказал декан. – На фронте, на Волге их видывал. Пленных, правда... Вояки из них некудышные были. Да и изпод палки Муссолини они с нами воевали...

– Зато их женщины любят, – невпопад вставил Виталик.

– Женщины? – переспросил декан. – Насчёт женщин не знаю.

* * *

Мы едем в маленьком автобусе «Рафик». Все достаточно худы и черны для «истых итальянцев».

– Работка, ребята, – не бей лежачего! – бодро говорит отобравший нас представитель «Мосфильма». – Объясняю вашу задачу. С вами снимаем всего два эпизода: по заснеженным просторам России идёт взвод итальянских солдат. Впереди на лошади – ваш командир, его

играет Мачелло. Сначала вы улыбаетесь. Вам обещали лёгкую прогулку на свежем воздухе и неизменную победу. Но не тут-то было! Вас разбивают наголову.

– А как разбивают, будут снимать? – тревожась, спрашивает Хрусталёв.

– Нет, это за кадром. Второй эпизод – от взвода остаётся четыре человека. Вы идёте по белой, снежной пустыне. Бредёте обессиленные, голодные... Бредёте куда?

– Куда? – в свою очередь интересуется Виталик.

– К смерти, – покачиваясь на ухабах, отвечает помреж.

– Ясно, – кивает Хрусталёв. – Сделаем, амиго, в лучшем виде!

Я не слушаю этот трёп. Я думаю о Лене. Она, конечно, знает, что я стал артистом, что я буду сниматься «у самого Де Сики». Об этом, наверное, весь институт уже знает...

– Аривидерчи, ребята! – бросил нам помощник режиссёра. – А теперь я отдаю вас в руки костюмеров.

Шофёр «Рафика» выключил фары. Светало. Мы прильнули к замерзшим окнам автобуса, выдувая своим тёплым дыханием пятачки для обзора. У самого края огромного заснеженного поля были проложены рельсы. На них стояла мачта, пока что без кинокамеры. Вдалеке прорезались очертания деревушки Городное. Обыкновенное русское селение. Бревенчатые избы, столбами поднимается дым из печных труб. Вокруг многочисленных ярко раскрашенных вагончиков сутились люди.

– Итальянцев привезли? – спросил чей-то недовольный голос.

– Привёз, – ответил помреж. – Переодевайте.

В одном из вагончиков полная и бесцеремонная женщина цинично велела нам снять зимние куртки и пальто, а потом и штаны. Мы сняли, поёживаясь в «тянучках» от тренировочных костюмов.

– Ботинки не надевать! – приказала женщина. – Обмотки выдам.

Затем, окинув нас профессиональным взглядом, выдала нам шинели грязновато-зелёного цвета, какие-то немыслимые пилюшки с пристёгнутыми по краям ушами и тяжелые башмаки с обмотками.

– Мне кажется, она, по крайней мере, размера на два больше, – подал я голос из шинели неимоверной ширины.

– Здесь не салон мод. Красив будешь, – отрезала специалист по костюмам.

В вагончик заглянул помощник режиссёра.

– Готовы? Ну, мама мия! Настоящие итальянцы! Родная мать вас явно не узнает. А теперь марш в оружейку!

В другом вагончике улыбчивый усатый человек выдал нам по тяжелой винтовке.

– Стрелять будут? – спросил он у помрежа.

– По сценарию не предусмотрено. А там чёрт его знает...

– Ладно, пока затворы сниму.

И оружейник ненамного облегчил нашу амуницию, вытащив из винтовок затворы.

– Три дня будем репетировать. Пока без камер, без актёров. Входите в роль. Напоминаю задачу. Эпизод первый.

Он отвёл нас на край поля и прогнусавил в мегафон:

– Пошли, ребята!

Утопая в снежной целине, загребая снег обмотками и непомерными башмаками, мы двинулись по указанному направлению.

– Веселей, братцы! – гнусавил мегафон. – Ведь вы уповаете на лёгкую победу. На ваших лицах улыбка завоевателей.

Мы растянули на губах улыбки и прибавили ходу. Через десять минут наш итальянский взвод взмок от пота.

– Перекур! – сказал наш наставник. – Через пять минут продолжим.

Всего за пять минут отдыха январский мороз начисто лишил нас артистической пластичности.

– Теперь я понял, почему макаронники в плен сдавались на Волге, – тяжело дыша, сказал на третьем прогоне Виталик. – Шинельки у них – барахло, во все дырки задувает.

Я молча кивнул, стараясь не отставать от других итальянцев. К двенадцати часам репетиция окончилась.

– Пока сыровато, – резюмировал помреж. – Но до начала съёмок ещё два дня. Вживайтесь в образ.

– Как там насчёт пожрать? – спросил кто-то из нашего взвода.

– Пожрать пока не предусмотрено. А вот начнутся съёмки, местную столовую центральный ресторан обслуживать будет. Кормить вас, ребята, станут во втором заходе, после артистов. Но самое главное, – он почему-то подмигнул именно мне, – совершенно бесплатно кормить будут. А пока можете сходить в сельскую лавку подхарчиться.

Оставив своих товарищей в «Рафике» греться, мы с Виталиком, предварительно собрав все наличные деньги, двинули за харчами.

У самой околицы из крайней избы, задыхаясь в хриплом лае, к нам припустил огромный пёс. Подняв снежное облако, он затормозил у наших нерешительных ног, а затем, грозно рыча, ухватил полу итальянской шинели Хрусталёва.

– Порвёт, собака! – закричал Виталик. – Не расплачусь за казённое имущество с «Мосфильмом»!.. Да помощи, Сашка!..

Собака, порывкая, мотала оскаленной мордой с полой итальянской шинели.

– Фу, Тузик! – крикнул я, спасая друга от злобного пса, и сдернул с плеча карабин без затвора.

– Пиф-паф! – гаркнул я, пытаюсь отпугнуть лохматого злодея.

– Брось ружьё, супостат! – вдруг услышали мы чей-то грудной голос. Из-за плетня показалась старуха. С топором в руках. Ноги у меня подогнулись – настолько решительный был вид у бабы в овчинном тулупе, с топором в руках.

– Молись, итальянец! – сказал я Виталику. – Сама смерть за нами пришла.

– Бабушка, уберите собаку, пожалуйста! – взмолился Хрусталёв. – А ты, Сашка, опусти ружьё! Не пугай местное население...

– Тарзан! На место! – приказала суровая старуха, всё ещё недоверчиво оглядывая нас.

Тарзан нехотя отпустил изрядно потрёпанную полу Виталькиной шинели и, подхалимно виляя хвостом, подошёл к бабке.

– Бабушка, вы нас не бойтесь, – как можно мягче сказал я. – Артисты мы. Итальянцев в кино играем. Слыхали, фильм здесь будут снимать?

– Вижу, что... артисты, – ехидно проговорила бабка.

– А где тут у вас магазин?

– А вам зачем? – спросила старуха.

– Как – зачем? Покушать купить что-нибудь.

– А что там купишь-то? Окромя водки и кильки, брать нечего.

Голос её помягчел. Старуха, видать, сжалилась над нами.

– Ладно, заходите в избу, – сказала она, открывая калитку. – А то вон сосульки под носами висят... А собаку не бойтесь. Со мной не тронет.

В сенях мы со стуком поставили карабины и, дуя на озябшие руки, вошли в горницу, вслед за хозяйкой.

– Садитесь, – кивнула она на лавку, всё ещё подозрительно нас осматривая. – Кто же вы будете? Вроде как немцы и не немцы... Я немцев в войну видала. И их форма другая.

– Итальянцы мы, бабушка, – сказал осмелевший Виталик. – Идём в плен сдаваться. Какие из нас, макаронников, вояки? Разве что до женского пола охочие...

– Вы смотрите мне, артисты! – погрозила нам бабушка кривым пальцем. – У нас ребята хуч итальянцам, хуч кому за наших девок бока наломают.

– Вы извините, – вступил в разговор я, – не могли бы вы нам, бабушка, продать молока, хлеба или там сала? Нас десять человек. Взвод. С утра ни крошки во рту не было.

С этими словами я протянул бабке собранную во взводе мелочь.

– Денег мне ваших не надобно, – сказала старуха, скосив глаза на кучу монет разного достоинства. – А коль дров нарубите – угощу!.. Дрова я рубила, когда на вас Тарзан кинулся. Наши собаки чужих не любят. Особливо всяких немцев.

– Итальянцев, – поправил я.

– Один чёрт, чужаков не выносят.

Хрусталёв повеселел.

– А ещё топоры есть? – спросил он.

– И топоры, и пила двуручная – всё в амбаре имеется.

Виталик, надев свою пострадавшую при налёте Тарзана шинель, выскочил в сени.

– Ты куда? – спросил я.

– За ребятами, – бросил он в ответ. – Я мигом. Только, бабуля, привяжите своего Тарзана, а то у меня стипендии не хватит, чтобы с «Мосфильмом расплатиться».

Через двадцать минут всё население села Городного могло наблюдать любопытную картину: взвод итальянских солдат пилил и русским гиканьем колол бабке Настасье дрова.

– Карамба! – выкрикивал Виталик будто бы итальянское слово и с одного маху располовинивал огромную чурку.

– Дай Бог, солдатики, вам здоровья! – причитала повеселевшая бабка и суежилась возле керосинки, готовя в огромной чугунной сковороде яисчницу с салом. Ничего лучшего я, кажется, в жизни не ел...

* * *

...И настал наш звёздный час. На съёмочной площадке зазвучала итальянская речь. Шума и неразберихи стало больше. Осветители пробовали свои прожекторы, суежились помощники оператора, режиссёра. Девушка в дублёнке проверяла хлопушку.

Де Сика ходил по площадке в новом крестьянском овчинном полушубке и в пыжиковой шапке с опущенными ушами: мороз в тот день был под тридцать.

– Не ударим и мы лицом в снег! – весело сказал наш помреж. – Быстро гримироваться!

– А мы уже одеты, – хором ответил наш взвод, барабаня зубами от холода.

– Нина! – крикнул кому-то наш наставник. – Можно моих итальянцев разукрасить?

Появилась молодая женщина с чемоданчиком флаконов и пузырьков. Через десять минут все мы были загримированы под регулярные итальянские части, попавшие в переплёт на заснеженной Волге. В завершении всего Нина из аэрозольного баллончика опрыснула наши небритые физиономии, отчего они тут же покрылись искусственным инеем. Хотя, учитывая температуру воздуха, это было лишним.

– Ждите своего командира, – сказал помреж. – По сигналу Витторио начнём. А пока сидите в «Рафике», грейтесь.

Из любопытства я выглянул из «Рафика», печка которого при таком морозе плохо справлялась со своими обязанностями, и сразу увидел её. Лена приехала на институтском автобусе вместе со всеми нашими. Институтских было много.

– Чао-какао! – крикнул я и помахал пилоткой с отстёгнутыми ушами.

– Вот он, наш макаронник! – закричал в ответ Рыжий Додо. Лена, увидев меня, тоже махнула рукой в красной шерстяной рукавичке, словно просигналила маленьким фонариком.

От автобуса к нам широко шагал полковник Мясоедов.

– Ну и морозище сегодня! – заглянув в «Рафик», сказал он. – Держитесь, ребята! В принципе солдаты вы – русские. Итальянцев только играете.

Через минуту на лошади появился загримированный Марчелло – командир нашего взвода.

Загнусавил мегафон. Мы посыпались на мороз из теплого «Рафика».

Первый эпизод с первого же дубля отсняли без сучка и задоринки. Разбитый наголову и разрозненный итальянский взвод обречённо брёл по безмолвной снежной пустыне, утопая в снегу. Шёл навстречу смерти в этой суровой, гордой и загадочной стране, куда их закинул бесноватый дуче. Нам даже обидно стало, что всё вот-вот закончится... Я был не против покрутиться перед Леной и на этом крещенском морозе.

А потом знаменитый режиссёр заупрямился. Нас запустили на второй дубль, но после нескольких метров плёнки Де Сика заупрямился и закричал со своего места на операторской мачте:

– Но, но, капито!

– Не пойдёт! – перевёл для нас переводчик.

– Чего это он? – спросил меня Виталик.

– Сейчас узнаем, – ответил я.

Режиссёр долго, отчаянно жестикулируя, через переводчика что-то объяснял нашему помрежу. Тот послушно, как японская статуэтка, только кивал в ответ. Потом помощник режиссёра взял в руки мегафон.

– Витторио говорит, – услышали мы и многочисленные зеваки, стоявшие за крем площадки знакомый гнусавый голос нашего наставника, – что самый хилый из вас, тот, что чёрной бородой, должен постепенно отставать от группы, а затем в изнеможении упасть в снег и лежать с открытыми глазами. Будьте внимательны. Камера сделает наезд, снимать будет крупный план...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.